

УДК 903.26(571.5)

Плоские каменные жертвенники Приольхонья (оз. Байкал)

Т. Ю. Номоконова

Университет Британской Колумбии (Канада)

О. И. Горюнова

Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН

Аннотация. В статье проводится анализ плоских каменных конструкций с трех археологических объектов: Хужир-Нугэ VII, Шракшура I и Базарная II, расположенных на побережье Малого моря оз. Байкал. Присутствие в кладках кострищ и фаунистических остатков, отсутствие на этих площадях древних стоянок послужило основанием отнести их к жертвенникам, связав с культом предков и почитания духов местности. В данной работе предлагается анализ конструктивных особенностей каменных сооружений, керамических и железных изделий, а также фаунистических остатков, обнаруженных в кладках. Результаты зооархеологических определений дали возможность по-новому взглянуть на использование животных при совершении обрядовых действий (употребление домашних и диких видов животных, наличие определенных частей туш, способы разделки и возрастные показатели отдельных особей). Радиоуглеродное датирование, проведенное по каждому исследованному объекту, существенно расширило и дополнило сложившиеся представления о времени бытования подобных конструкций на территории Приольхонья. Впервые стало возможным проследить характерные черты в практике жертвоприношений животных населением региона в хронологическом диапазоне X–XX вв.

Ключевые слова: Приольхонье, оз. Байкал, плоские каменные кладки, средневековье, период этнографической современности, скотоводы, зооархеология, жертвоприношения животных.

Введение

Нахождение плоских каменных кладок, рассматриваемых как поминальные, жертвенные или ритуальные, в Приольхонье (западное побережье оз. Байкал от мыса Елохин до р. Большая Бугульдейка) достаточно частое явление [Горюнова, Свинин, 1995, 1996, 2000]. На этой территории исследовано более 200 подобных сооружений [Бердникова, Яковлева, Горюнова, 1989; Дашибалов, 1995; Харинский, 2001; Авраменко, Харинский, 2011]. Тем не менее среди всех археологических объектов в регионе эти конструкции достаточно сложно датировать и культурно идентифицировать в связи с частым отсутствием в них археологического материала или наличия недиагностичных для хронологических построений изделий. Присутствие в кладках кост-

рищ и фаунистических остатков, отсутствие на этих площадях древних стоянок – послужило основанием отнести их к жертвенникам, связав с культом почитания предков и духов местности. Традиционно плоские каменные кладки датируются в пределах широкого средневекового хронологического среза между V и XIV вв. [Асеев, 1980; Бердникова, Яковлева, Горюнова, 1989; Дашибалов, 1995; Номоконова, 2001, 2005; Харинский, 1999, 2001, 2002; Яковлева, Горюнова, 1991]. В последние годы были опубликованы работы с описанием подобных сооружений, отнесенных к периоду современной этнографии (XVII–XIX вв.) [Археологические исследования ..., 2004; Номоконова, Батракова, Горюнова, 2010]. С появлением радиоуглеродных датировок по плоским каменным кладкам значительно расширился хронологический диапазон их существования, охватывая все I тыс. н. э. [Авраменко, Харинский, 2011; Харинский, 2001]. Однако большинство плоских каменных сооружений из-за отсутствия датирующих материалов и радиоуглеродных датировок традиционно относятся ко 2-й пол. I тыс. н. э. В связи с этим публикация материалов комплексно исследованных плоских кладок, имеющих радиоуглеродное датирование, представляет несомненный научный интерес.

В предлагаемой статье проводится анализ плоских каменных конструкций с трех археологических объектов: Хужир-Нугэ VII, Шракшура I и Базарная II (рис. 1). Все кладки содержали археологический материал, включая фаунистические остатки (за исключением № 2 Хужир-Нугэ VII и № 7 Базарной II), по которым стало возможным выполнить зооархеологические определения и по-новому взглянуть на использование животных при совершении обрядовых действий. По костям копытных с каждого объекта было проведено AMS-датирование, благодаря которому удалось определить хронодиапазоны сооружения плоских конструкций конкретно на этих комплексах и уточнить хронологический период использования подобных кладок в Приольхонье.

Характеристика материалов

Исследованные плоские кладки располагались на побережье Малого Моря и Ольхонских Ворот оз. Байкал (см. рис. 1). Их раскопки проводились в разные годы отрядами Иркутского государственного университета (ИГУ) и Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН – ИГУ (ИЛАиП ИАЭТ СО РАН – ИГУ). Предварительные результаты были опубликованы в тезисном варианте [Номоконова, 2001; Археологические исследования..., 2004; Горюнова, Батракова, 2009]. Полное описание комплексов, включая анализ фаунистических остатков и результаты радиоуглеродного датирования, приводится впервые.

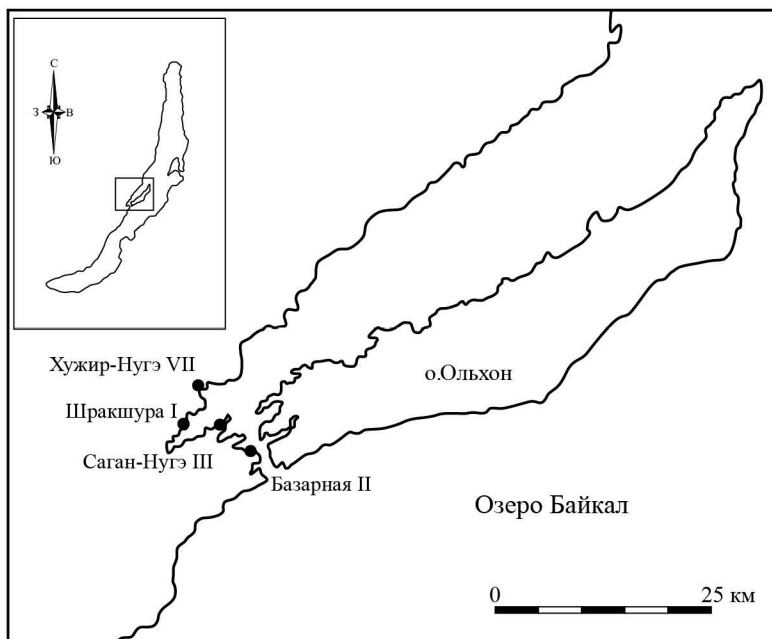
Хужир-Нугэ VII

Комплекс находится на пологом склоне северо-западной части одноименной бухты Малого Моря оз. Байкал, в 2,5 км к юго-западу от п. Сарма и в 0,5 км к северо-западу от побережья. Высота – 55–60 м над уровнем Байкала. Памятник обнаружен в 1991 г. Маломорским отрядом Байкальской археологической новоостроечной экспедиции ИГУ (О. И. Горюнова). Было выявлено 6 каменных сооружений, предположительно отнесенных к железному веку

[Горюнова, Свинин, 1996, с. 79]. Раскопки объекта проведены отрядом экспедиции ИЛАП ИАЭТ СО РАН – ИГУ в 2006 г. [Горюнова, Батракова, 2009]. В результате вскрыты 4 плоские овальные кладки: № 1–2, 5–6 (кладки, обозначенные как № 3 и № 4, оказались естественными скоплениями камней). По конструкции и составу археологического материала искусственные сооружения ориентировочно были датированы V–XIV вв. [Горюнова, Батракова, 2009].

Кладка № 1 – сплошная, овальной формы, размерами 2,18×1,49 м, ориентированная большей стороной по линии С–Ю (рис. 2, 1). Сооружение состояло из крупных плит, уложенных в 1–2 слоя плашмя или под наклоном (до 30–45°). Археологический материал обнаружен в кладке и под ней. Среди находок отмечены: 20 фрагментов гладкостенной керамики с толстыми стенками от одного плоскодонного сосуда (керамика без орнамента), галька-отбойник, 10 криц и 7 костей неопределимых млекопитающих (Mammalia), из которых один фрагмент лопатки и одна кость со следами жжения. Под кладкой зафиксированы отдельные угольки.

Кладка № 2 находилась в 7 м к северо-востоку от кладки № 1. Сооружение сплошное, овальной формы (рис. 2, 2). Его размеры: 2,45×1,80 м; ориентация по линии СЗЗ–ЮВВ. Конструкция состояла из крупных плит, уложенных плотно друг к другу в 1–4 слоя, плашмя и под углом 15–20°. Археологический материал представлен 17 фрагментами гладкостенной керамики от двух сосудов, одним фрагментом с затертыми оттисками технического декора и 10 крицами.

Рис. 1. Карта-схема расположения плоских жертвенников Хужир-Нугэ VII, Шракшура I, Саган-Нугэ III, Базарная II

Орнамент на фрагментах от одного сосуда – в виде ногтевых вдавлений и отверстия, возможно для подвешивания (рис. 2, 3), на другом – штамповые вдавления овальной формы. Под кладкой зафиксированы отдельные угольки.

Кладка № 5 находилась в 21 м к северо-востоку от кладки № 1. Представляла собой сплошную, овальную конструкцию размерами 2,5×2,0 м (рис. 2, 4). Ориентация – большей стороной по линии С–Ю. Сооружение состояло из крупных плит, уложенных в 2–4 слоя, часть плит располагалось под углом 35–45°. В кладке и под ней обнаружен археологический материал. В его числе: 88 фрагментов гладкостенной керамики от 7 сосудов, 25 криц, обломок псевдоклиновидного нуклеуса из отщепа кремня, скол кварцита с однокраевой дорсальной ретушью, скол кремня с подтеской, 123 кости животных. В кладке отмечена древесная труха и отдельные угольки.

Керамика представлена мелкими фрагментами, среди которых найдены обломки плоского дна. Венчики от двух сосудов – без орнамента. Один из них – с прямой верхней плоскостью, второй – с округлой. Фрагменты от 5 сосудов орнаментированы. Стенки от 2 сосудов украшены штамповыми вдавлениями овальной формы, отличающимися между собой размерами (рис. 2, 6). Фрагмент венчика от третьего сосуда с прямой верхней плоскостью украшен по внешнему краю овальными насечками, по тулову – ногтевыми вдавлениями (рис. 2, 7). Фрагмент стенки от четвертого сосуда орнаментирован наlepным валиком подтреугольной формы (рис. 2, 5), а от пятого – прочерченной линией.

Фаунистические материалы найдены преимущественно под плитами на втором уровне зачистки. Они представлены 123 костями, среди которых определены обломки нижней челюсти с зубами (подсчитано как единица в количественном отношении), плюсна и первая фаланга лошади (*Equus* spp.), фрагмент черепа и лучевая кость половозрелой нерпы (*Phocasibirica*) (рис. 2, 8); остальные кости – недиагностичные фрагменты от млекопитающих (5 из них жжены). Нижняя челюсть лошади зафиксирована под кладкой.

Кладка № 6 находилась в 28 м к северо-востоку от кладки № 1 и в 6,2 м к северо-востоку-востоку от кладки № 5. Сооружение сплошное, овальной формы (рис. 2, 9). Его размеры: 2,50×2,00 м; ориентация большей стороной по линии С–Ю. Кладка выложена из крупных плит в 1–2 слоя, плашмя и под углом 25–30°. В центре сооружения отмечена массивная плита, к которой с северо-западной стороны прислонено под углом 45–50° несколько камней. Под кладкой зафиксировано кострище овальной формы, размерами 0,30×0,35 м (мощность незначительная). В зольном пятне, а также непосредственно в кладке и под плитами обнаружен археологический материал. В его числе: 11 изделий из металла, 148 фрагментов гладкостенной керамики от 8 сосудов, кусок обожженной глины, 79 криц и шлаков, 5 предметов из камня (обломок призматической пластины и 4 пластинчатых скола), 746 костей животных.

Из металлических предметов преобладают изделия из железа: изогнутый стержень в форме полуовала с незамкнутыми концами (рис. 2, 14), 6 обломков стержней (один из них с напaeм), обломок заклепки скобковидной формы, изделия округлой формы. Одно изделие – из меди, в виде подвески овальной формы с отверстием в центре (рис. 2, 13).

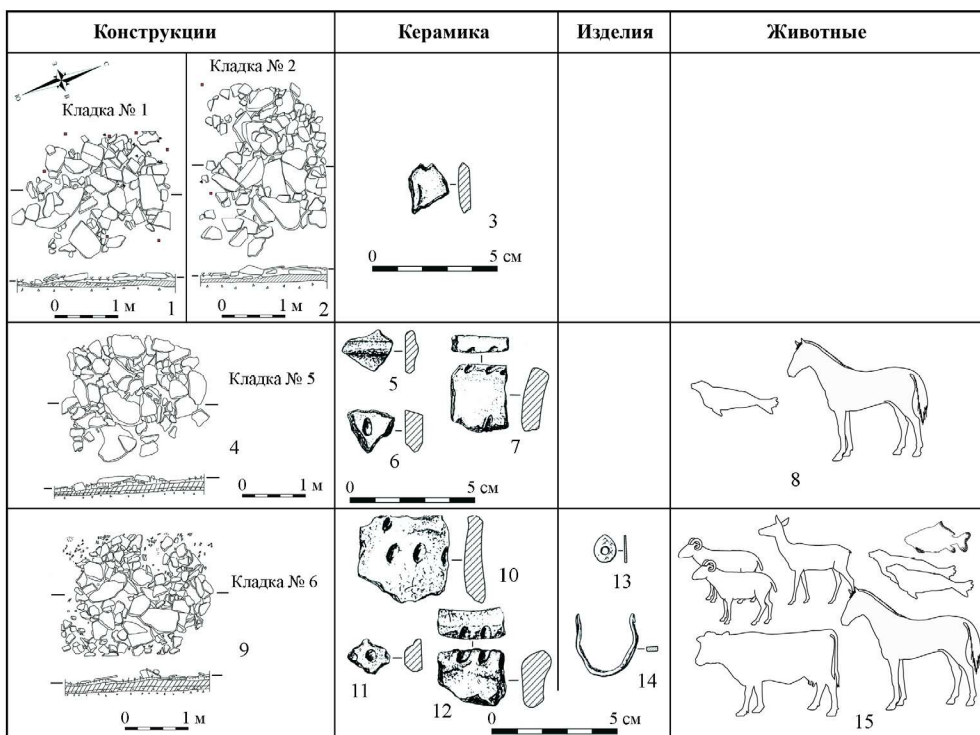

Рис. 2. Хужир-Нугэ VII, комплексы плоских жертвенников № 1, 2, 5, 6

В составе керамики венчики с округлой верхней плоскостью от двух неорнаментированных сосудов. Венчики от других двух сосудов украшены по внешнему краю насечками (рис. 2, 12). Орнамент стенок от четырех сосудов представлен: налепным валиком подтреугольной формы, ногтевыми вдавлениями (рис. 2, 10), штамповыми вдавлениями округлой (рис. 2, 11) и овальной формы. Отмечены фрагменты плоского дна.

Из находок наиболее многочисленны фаунистические остатки, которые насчитывают 746 экземпляров (табл. 1). Среди определяемых видов представлены кости домашних и диких животных (рис. 2, 15). Остатки домашних животных состоят из обломка моляра, пяточной кости и двух вторых фаланг коровы (*Bos spp.*), двух астрагалов и пяти фрагментов зубов лошади и обломками от двух нижних челюстей, верхнего премоляра, двух бедренных и пяточных костей минимум от двух индивидуумов *Caprinae*.

Среди остатков диких животных определены: вторая фаланга и астрагал косули (*Capreolus pygargus*), фрагменты черепа, локтевой и двух больших берцовых костей минимум от двух нерп, а также три ребра рыб из кострища (*Pisces*). Остальная фауна состоит из отряда парнокопытных (*Artiodactyla*) с подразделением на относительный размер животных. Кости, отнесенные к мелкой категории, представлены двумя дистальными фрагментами плечевой кости и метаподиями, а также плюсной. Фрагмент локтевой кости сопоставляется с крупным парнокопытным. Категория неопределимых млекопитаю-

щих – основная (713 экз.), преимущественно состоит из недиагностичных элементов. В этой категории отмечены фрагменты локтевой и плечевой костей, ребер, отдельных зубов, нижней челюсти и обломки трубчатых костей. Следы модификации зафиксированы на одной кости в виде порезов, полученных при разделке туши, и 21 фрагмент со следами жжения.

Таблица 1

Видовой состав животных из кладки № 6 Хужир-Нугэ VII

Таксон	Кол-во	Элемент
Mammalia – неопред.	675	Остатки зубов, нижних челюстей, ребер, лучевой кости и недиагностичные
Mammalia – крупный	38	Обломки плечевой, трех трубчатых костей и отдельных зубов
Artiodactyla – крупный	1	Фрагмент лучевой кости
Artiodactyla – мелкий	5	Остатки двух плечевых костей, метатарсала, метаподии и кости шпосны
Caprinae	7	Фрагменты верхнего моляра, нижних челюстей, бедренных и пяточной костей минимум от двух особей
<i>Capreolus pygargus</i>	2	Вторая фаланга и астрагал
<i>Bos</i> spp.	4	Остатки нижнего моляра, пяточной кости и двух вторых фаланг
<i>Equus</i> spp.	7	Пять фрагментов зубов и два астрагала
<i>Phocasibirica</i>	4	Фрагменты черепа, локтевой и двух больших берцовых костей минимум от двух особей
Pisces-неопред.	3	Ребра
Всего	746	

Шракшура I

Объект находится на южном склоне горы, расположенной в основании мыса Шракшура (в 0,7–0,8 км к северо-северо-западу от его оконечности), на северо-западном побережье Мухорского залива Малого моря оз. Байкал, в 5,8 км к северо-востоку от пос. Черноруд. Высота его размещения – 52 м над уровнем Байкала. Комплекс обнаружен и исследован отрядом Новостроечной экспедиции ИГУ (В. В. Яковлева) в 1985 г. [Горюнова, Свинин, 1996, с. 107]. В его составе 2 каменные кладки, сооруженные рядом друг с другом (на расстоянии менее 1 м). Они размещены на ровной площадке, по линии ССВ–ЮЮЗ. Предварительная датировка комплекса X–XIV вв. [Номоконова, 2001].

Кладка № 1 – сплошная, овальной формы, выложенная из плит в 2–3 слоя, плашмя (рис. 3, 1). Ориентация сооружения большей стороной по линии ССВ–ЮЮЗ, размеры: 3,7×2,5 м. Археологический материал и остатки кострища зафиксированы непосредственно под кладкой. Среди находок фрагменты толстостенной керамики с гладкой поверхностью без орнамента от сосудов простой закрытой формы (104 фрагмента, возможно, от 2 сосудов). Один из них восстановлен графически. Сосуд простой закрытой формы с округлым дном (рис. 3, 2). Диаметр венчика – 28 см, наибольший диаметр тулова – 32 см, высота сосуда – 20 см. Остальной материал представлен железными

изделиями: втульчатый крючком (рис. 3, 4) и обломком плоской пластины с отверстием (рис. 3, 3), 95 кусками крицы и 42 остатками фауны.

Среди фаунистических остатков определены 7 костей нерпы, нижняя челюсть суслика (*Urocitellus undulates*), 32 фрагмента недиагностичных млекопитающих (включая остатки зубов и ребер), кораконд рода сиг/омуль (*Coregonus* spp., возможно, сига, судя по размерам) и ребро рыбы (рис. 3, 5). Кости нерпы принадлежат как минимум трем индивидуумам: половозрелой и двум особям возрастом до одного года. Элементы скелета представлены фрагментом черепа, бедренной костью, большой и малыми берцовыми костями и фалангами. Следы модификации отмечены на семи костях: в виде жжения на малой берцовой кости нерпы и на четырех неопределимых от млекопитающих, на двух костях зафиксированы порезы. Один из них – на дорсальной поверхности фаланги нерпы возле ее дистальной части, второй – на недиагностичной кости млекопитающего (несколько порезов).

Кладка № 2 – овальной формы, сплошная, размерами 4,4×3,5 м (рис. 3, 6). Она выложена из плит в 2–3 слоя, плашмя. Ориентация кладки большей стороной по линии С–Ю. В северо-западной и юго-восточной ее концах плиты располагались наклонно (под углом 45–50°). В центре сооружения – плиты разрозненные. Под кладкой обнаружен археологический материал и три кострища размерами: № 1 – 0,25×0,20 м (мощность – 5 см), № 2 – 0,85×0,65 м (мощность – 6 см), № 3 – 0,65×0,40 м (мощность – 3 см). В заполнении кострищ отмечены неопределимые битые кости и фрагменты толстостенной керамики без орнамента.

Археологический материал представлен: крицей – 107, остатками фауны – 59, обломками железных изделий – 4 (в основном недиагностичных и обломком стержня четырехугольного в сечении – рис. 3, 8), фрагментами толстостенной керамики с гладкой поверхностью (22 экз.) от одного сосуда. Венчик с прямой верхней плоскостью от сосуда простой формы, украшенного по тулову рядами ногтевых вдавлений (рис. 3, 7).

Фаунистические остатки представлены (рис. 3, 9): зубом и пяточной костью лошади, двумя лучевыми костями (включая часть локтевой) и астрагалом семейства овцы/козы от двух особей, нижней челюстью и локтевой костью от половозрелой нерпы, 50 неопределимыми костями млекопитающих (включая фрагменты зубов, ребер и дистальной части бедренной кости) и двумя остатками окуня (*Percafluviatilis*). Следы модификации зафиксированы на неопределимых костях млекопитающих: в виде жжения на двух фрагментах, пореза на одном и погрызов животными на дистальном конце бедренной кости. На определимых костях отмечен порез на латеральной поверхности дистальной части локтевой кости овцы/козы.

Базарная II

Объект расположен в межрядовых понижениях, на плато западного побережья Базарной губы (залив Ольхонских Ворот оз. Байкал), в 0,5 км к северо-северо-востоку от центра с. Сахюрта. Комплекс обнаружен и частично раскопан Саянским отрядом Северо-Азиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР (И. В. Асеев) в 1977 г. [Асеев, 1978; Горюнова, Свинин, 2000, с. 35].

Было зафиксировано 8 плоских сплошных и кольцевых кладок овальной формы. Два сооружения (№ 1 – погребение, № 2 – плоская кладка) были вскрыты. Предварительная датировка комплекса – раннемонгольское время, XII–XVI вв. [Асеев, 1978]. Работы на объекте были продолжены в 2004 г. Куркутским отрядом экспедиции ИЛАП ИАЭТ СО РАН – ИГУ (Горюнова О. И.), в результате которых вскрыто 4 кладки (№ 4 – погребение периода этнографической современности, XVII–XIX вв., № 5–7 – плоские кладки, предварительно отнесенные к XI–XIV вв.) [Археологические исследования ..., 2004].

Кладка № 5 выделялась наиболее крупными размерами по отношению к остальным сооружениям (4,0×3,3 м). Ее конструкция – кольцевая, форма – овальная, ориентация большей стороной по линии ССВ–ЮЮЗ (рис. 4, 1). Кладка состояла из разрозненных крупных плит, лежащих плашмя в один слой. В центре оконтуренного пространства – кострище, заполненное фаунистическими остатками (в основном битой костью). Археологический материал представлен 20 фрагментами гладкостенной керамики от одного сосуда, орнаментированного тонким налепным валиком (рис. 4, 2), обломком доловидного наконечника стрелы с обломанным черешком из железа (рис. 4, 3), шлаком, обломком абразива, пластинчатым сколом с ретушью (рис. 4, 4), отщепом и 255 костями животных.

Среди видового состава животных (табл. 2; рис. 4, 5) выделены: лошадь, корова, овца (*Ovisaries*), которой, вероятно, также принадлежат остатки, отнесенные к категориям семейства овцы/козы и отряда небольшого парнокопытного, нерпа и недиагностичные фрагменты млекопитающих, несколько из них – от крупных. Среди остатков фауны найдены две кости рыбы, представленные клейтрумами от семейства карповых (*Cyprinidae*) и фрагментом жаберной крышки рыбы.

Таблица 2

Видовой состав животных из кладки № 5 Базарной II

Таксон	Кол-во	Элемент
Mammalia – неопред.	209	Фрагменты зубов, ребер, трубчатых и недиагностичных костей
Mammalia – крупный	4	Обломки тазовой и трубчатых костей
Artiodactyla	16	Фрагменты большой берцовой кости, метаподий и трубчатые
Caprinae	14	Остатки черепа, отдельные зубы, нижняя челюсть, лучевые и тазовая кости, метакарпал, кости плоские и запястья
<i>Ovisaries</i>	1	Вторая фаланга
<i>Bos</i> spp.	1	Остатки верхнего моляра
<i>Equus</i> spp.	4	Части черепа, зубы и третья кость плоские
<i>Phocasibirica</i>	4	Фрагменты черепа, нижней челюсти, большой берцовой кости и фаланги
Pisces – неопред.	1	Обломок жаберной крышки
Cyprinidae	1	Клейтрум
Всего	255	

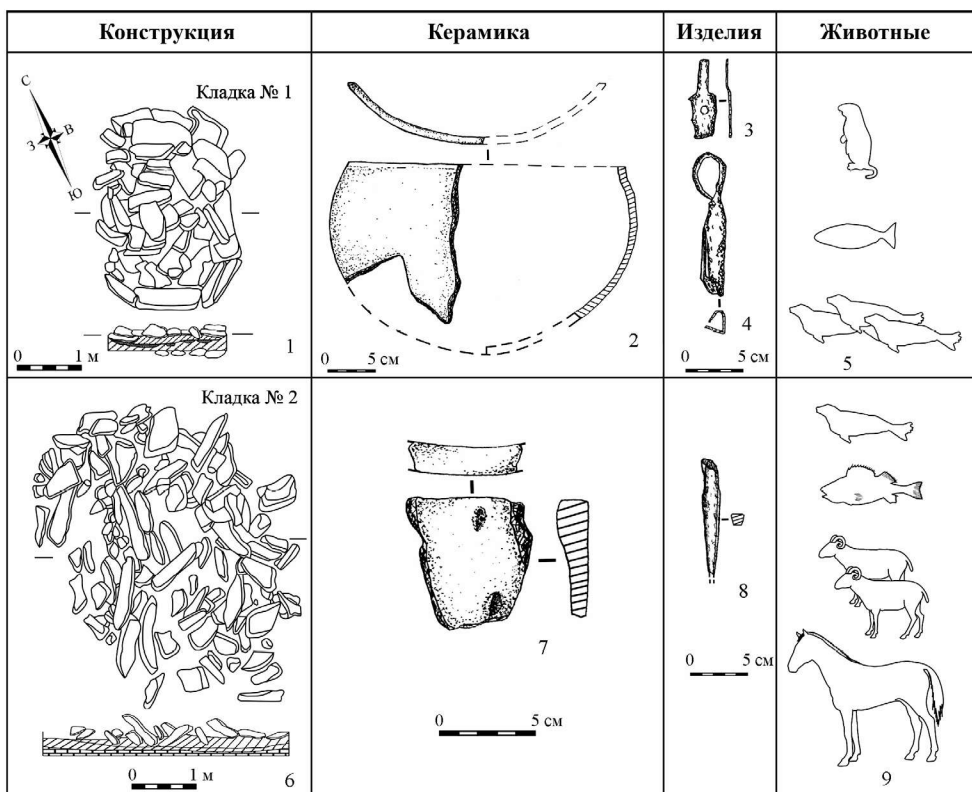

Рис. 3. Шракшра I, комплексы плоских жертвенников № 1 и 2

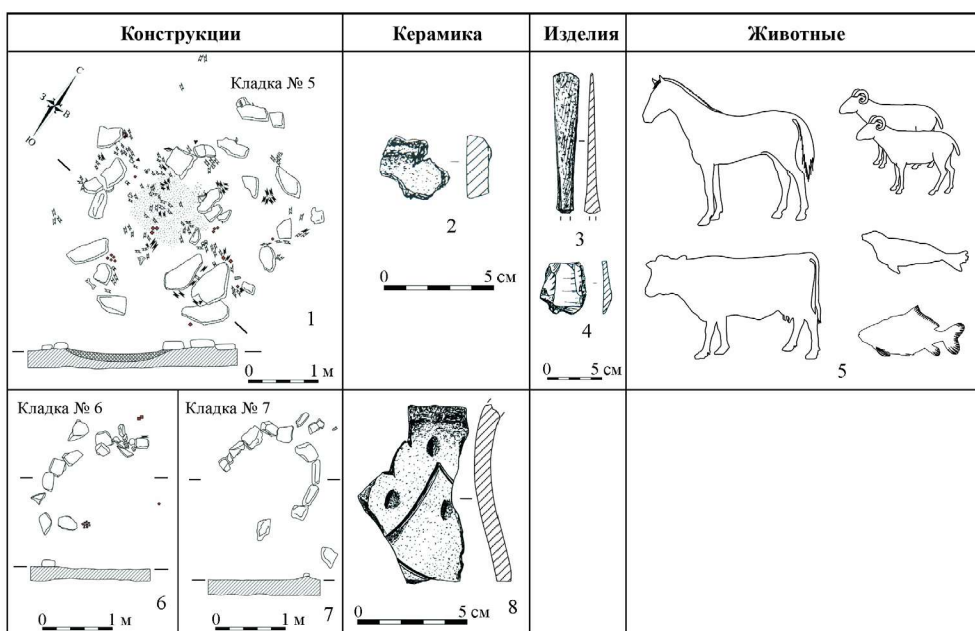

Рис. 4. Базарная II, комплекс плоских жертвенников № 5–7

Минимальное количество особей не превышает единицы для всех категорий за исключением остатков семейства овцы/козы, которые принадлежат минимум двум особям. Модификации кости отмечены в виде следов разделки на трубчатой кости крупного млекопитающего и на проксимальной поверхности тазовой кости овцы/козы, следов погрыза хищниками на недиагностичной кости и жжения на 60 фаунистических остатках.

Кладка № 6 – полукольцевая (с разомкнутым восточным концом), овальной формы, состоящая из разрозненных плит, уложенных плашмя (цепочкой друг за другом) в один слой (рис. 4, 6). Размеры сооружения – 2,1×1,2 м; ориентация большей стороной по линии ССВ–ЮЮЗ. В конструкции зафиксированы 12 фрагментов керамики от одного гладкостенного сосуда сложной, закрытой формы с округлым венчиком (рис. 4, 8). По его внешнему краю нанесены овальные насечки. Тулово украшено двумя рядамиогтевых вдавлений овальной формы и прочерченным арочным узором. В северном конце кладки зафиксирован обломок тазовой кости крупного млекопитающего.

Кладка № 7 находилась вблизи предыдущего сооружения. Она представляла собой полукольцо округлой формы, разомкнутое в южной части (рис. 4, 7). Конструкция состояла из плит, уложенных плашмя в один слой с одиночной плитой в южной части. Диаметр кладки – 1,50 м. Археологический материал представлен обломком абразива, найденным в северной части кладки.

Обсуждение материалов

Анализ конструкций и археологического материала 9 каменных плоских кладок с трех комплексов: Хужир-Нугэ VII, Шракшура I и Базарная II позволил выявить ряд общих и отличительных признаков. При сравнении их конструктивных особенностей отмечено, что все сооружения плоские, овальной формы. Исключение составляла кладка № 7 Базарной II, форма которой – округлая. Конструкции сплошные – 6 (все кладки Хужир-Нугэ VII и Шракшуры I) и контурные – 3 (кладки Базарной II). Среди контурных сооружений выделяются: кольцевая (№ 5 Базарной II) и полукольцевые (№ 6, 7 Базарной II) конструкции. Все контурные сооружения выложены из разрозненных плит в один слой. Остальные кладки состояли из плит, уложенных плашмя или под небольшим углом в 1–4 слоя. Размеры сплошных кладок: 1,5–3,5×2,2–4,4 м (наиболее крупные конструкции на объекте Шракшуры I), кольцевого сооружения: 3,3×4,0 м, полукольцевых: 1,2–1,5×1,5–2,1 м. Преобладает ориентация кладок большей стороной по линии С–Ю (4 кладки); на трех сооружениях Базарной II и № 1 Шракшуры I – с небольшим отклонением к востоку (ССВ–ЮЮЗ). В одном случае небольшое отклонение зафиксировано к западу – по линии СЗЗ–ЮВВ (№ 2 Хужир-Нугэ VII). Практически под всеми кладками обнаружены кострища или отдельные угольки (исключение составляют две полукольцевые кладки Базарной II). Мощность кострища в кладке № 2 Шракшуры I – до 6 см, в остальных случаях она незначительная.

Во всех кладках (среди камней и под ними) обнаружен археологический материал, разнообразный по сырью (глина, камень, железо, медь), а также кости животных. Наибольшее количество находок обнаружено в сплошной

кладке № 6 Хужир-Нугэ VII; наименьшее – в полукольцевых сооружениях № 6 и № 7 Базарной II, где зафиксированы фрагменты от одного сосуда (№ 6) и обломок абразива (№ 7). Артефакты из сплошных и кольцевой кладок представлены преимущественно фрагментами керамики от сосудов, шлаком и крицей (найлены во всех конструкциях); реже встречены обломки изделий из металла и камня.

Изделия из глины состоят из фрагментов керамики (№ 6 Хужир-Нугэ VII). Остатки сосудов зафиксированы во всех сооружениях за исключением № 7 Базарной II. Наибольшее количество сосудов представлено в кладках комплекса Хужир-Нугэ VII, где обнаружено от 1 до 7–8 (кладки № 5–6) сосудов в одной конструкции. На объектах Шракшура I и Базарная II наибольшее количество сосудов (2 экз.) отмечено в кладке № 1 Шракшуры II.

Вся керамика гладкостенная (кроме одного фрагмента с затертыми оттисками технического декора из № 2 Хужир-Нугэ VII), с толстыми стенками. Сосуды преимущественно простой закрытой формы; в одном случае (№ 6 Базарной II) – сложной. Преобладает плоскодонная посуда. В кладке № 1 Шракшуры I найден сосуд с круглым дном. Из 20 сосудов, зафиксированных в сплошных кладках, 7 без орнамента. В остальных случаях узор располагался в верхней части тулова и по венчику. Орнамент в виде рядов ногтевых вдавлений отмечен на всех исследованных в предлагаемой работе объектах. На сосуде из полукольцевой кладки № 6 Базарной II он сочетается с арочным узором, выполненным прочерченными линиями. Орнамент в виде налепных валиков зафиксирован на сосудах из сплошных (№ 5–6 Хужир-Нугэ VII) и кольцевой (№ 5 Базарной II) кладок. Ряды оттисков овального или округлого штампа отмечены только на посуде из объекта Хужир-Нугэ VII.

Единичные предметы из камня обнаружены в кладках № 5 Базарной II и № 1, 5, 6 Хужир-Нугэ VII. В их числе: два абразива, галька-отбойник, нуклеус, призматическая пластина, пластинчатые сколы (два – с ретушью) и отщепы (один – с подтеской).

Изделия из железа и отходы металлургического производства (шлаки и крица общим количеством 337 экз.) присутствуют во всех сплошных и кольцевых кладках, рассматриваемых в статье. Среди 17 предметов из железа найдены: втульчатый крючок, обломки наконечника стрелы, пластин и стержней, заклепки, округлые изделия и недиагностичные обломки. В кладке № 6 Хужир-Нугэ VII обнаружена медная пластинка с отверстием в центре. Это сооружение выделяется из всех анализируемых кладок наличием изделий из всех перечисленных видов сырья, наибольшим количеством артефактов и костей животных.

Кости животных наиболее представительны из кладок комплексов Шракшура I, № 5 Базарной II и № 5–6 Хужир-Нугэ VII. В кладке № 6 Базарной II найдена одна недиагностичная кость; в кладке № 1 Хужир-Нугэ VII – семь неопределимых фрагментов млекопитающих. В двух кладках (№ 7 Базарной II и № 2 Хужир-Нугэ VII) кости животных не обнаружены. Среди фаунистических остатков отмечены кости как домашних, так и диких животных. Исключение составляет кладка № 1 Шракшуры I, где представлены

только кости диких животных. Среди домашних животных преобладают кости семейства овцы/козы (с определением до овцы), лошади и, в меньшей степени, коров. В числе диких животных определены нерпа, косуля, суслик (возможно, интрузивного характера), а также рыба (окунь, карповые и, возможно, сиг).

Кости семейства овцы/козы, включая овцу, наиболее часто встречаются среди остатков фауны как в кольцевых, так и в сплошных кладках. В кладках № 2 Шракшуры I, № 5 Базарной II и № 6 Хужир-Нугэ VII их кости представлены в каждом сооружении как минимум от двух особей. Отмечено, что кости присутствуют практически от всех частей этих животных (передняя часть от двух особей и астрагал на Шракшуре I, разные части на Базарной II, череп и задняя нога – на Хужир-Нугэ VII). Относительный возраст этих особей определен по состоянию сроста дистальных эпифизов и зубной системы: на Базарной II их возраст между 1–1,5 и менее чем 2,5 года, а двух особей с Хужир-Нугэ VII – между 1–2,5 и старше 2,5 лет [Zeder, 2006].

Кости лошади минимум по одной особи найдены в кладках № 2 Шракшуры I, № 5 Базарной II и № 5–6 Хужир-Нугэ VII. Они представлены в основном фрагментами черепов и нижних конечностей (пяточная кость, кости плюсны, астрагалы, фаланга). Замеры первого нижнего моляра из кладки № 5 Базарной II показали, что он, вероятно, принадлежал особи 9–11 лет [Matsui, 2008]. Также найдены кости коровы, они немногочисленны и представлены моляром из кладки № 5 Базарной II и моляром, пяточной костью и фалангами из кладки № 6 Хужир-Нугэ VII.

Среди костей диких животных – нижняя челюсть суслика из кладки № 1 Шракшуры I. Возможно, это явление интрузивного характера, но есть вероятность также того, что челюсть суслика была размещена здесь с определенной целью. Следов нор или повреждений конструкции зафиксировано не было. В кладке № 6 Хужир-Нугэ VII найдены кости косули, представленные фалангой и астрагалом. Остатки рыб зафиксированы на каждом объекте по 2–3 экз. в кладке: в № 1 (возможно, сиг) и в № 2 (окунь) на Шракшуре I, фрагмент кости карповых в № 5 Базарной II и недиагностичные ребра от рыб из № 6 Хужир-Нугэ VII.

Среди диких животных наиболее часто встречаются кости нерпы, найденные в кладках Шракшуры I, № 5 Базарной II и № 5–6 Хужир-Нугэ VII. Подсчет минимального количества особей показывает, что количество индивидуумов варьирует от одного до трех (по одной особи в кладках № 2 Шракшуры I, № 5 Базарной II и № 5 Хужир-Нугэ VII; двух – в № 6 Хужир-Нугэ VII и трех – в № 1 Шракшуры I). Кости нерпы в основном от половозрелых особей (судя по срастанию эпифизов [Stora, 2000]), за исключением двух нерп: возрастом до года из кладки № 1 Шракшуры I и молодой (2–8 лет) с № 5 Базарной II. Остатки нерп представлены преимущественно костями черепа в сочетании с локтевой, лучевой или большой берцовой костями. Исключение составляют фаланга из кладки № 5 Базарной II и несколько костей (фаланги, бедренная и малые берцовые кости) из кладки № 1 Шракшуры I, где они зафиксированы в дополнение к ним.

Следы модификации кости в виде порезов от разделки туш животных, жжения и погрызов хищниками найдены на 28 недиагностичных костях млекопитающих из кладок № 1, 5, 6 Хужир-Нугэ VII. Все кости (за исключением одной) со следами жжения, из них 22 найдены в кладке № 6. Здесь же зафиксирована кость со следами пореза от разделки. На Шракшуре I из двух кладок отмечено 12 костей со следами модификации, среди них 7 жженных, 4 с порезами (в основном на недиагностичных костях млекопитающих, а также фаланги нерпы и представителя семейства овцы/козы) и 1 с погрызами. На Базарной II следы жжения, разделки и погрыза отмечены только на костях из кладки № 5. Здесь зафиксированы: 60 жженных костей млекопитающих, 2 с порезами (одна от овцы/козы) и 1 с погрызами хищников.

Хронология и датировка комплексов

При определении датировки комплексов плоских каменных конструкций использованы археологические методы и данные радиоуглеродного датирования. Из числа археологических изделий, зафиксированных в подобных кладках, обычно к датирующим относят керамику и изделия из железа. Однако плоскодонные сосуды с толстыми стенками и гладкой поверхностью характерны для всей керамики V–XIV вв. Большой процент составляют неорнаментированные сосуды, которые также малодиагностичны. Украшения в виде рядов ногтевых вдавлений, налипных валиков, прочерченного арочного узора и подковок считаются характерными для раннемонгольского времени – XI–XIV вв. [Дашибалов, 1995; Номоконова, 2005]. Однако они встречаются и в датированных (календарное время) комплексах, VIII–X вв. (1, 2 слои Саган-Забы II) [Late Holocene ..., 2010]. Керамика более позднего периода (после XIV в.) в настоящее время неизвестна. Изделия из железа – втульчатый крючок и обломок стрелы долотовидного типа, найденные в плоских кладках – также находят аналогии в комплексах раннемонгольского времени [Асеев, 1980; Дашибалов, 1995; Археологические исследования..., 2004]. Таким образом, опираясь на традиционные методы датирования, исследованные комплексы следует отнести к раннемонгольскому времени.

Для уточнения времени сооружения плоских каменных конструкций проведено AMS-датирование, выполненное по костям копытных животных из кладок каждого комплекса (табл. 3). Стандартные подсчеты диапазона этих дат проведены по программе Calib 6.0.1 с калиброванной базой данных INTCAL 09 по двум сигмам (95 % уровня вероятности) [INTCAL 09 ..., 2009; Stuiver, Reimer, 1993].

Радиоуглеродное датирование показало, что плоские кладки Хужир-Нугэ VII, Шракшуры I и Базарной II сооружались в Приольхонье на протяжении более широкого хронологического периода, чем предполагалось ранее, и теперь могут рассматриваться в рамках с X по XX в.

Наиболее ранние из них представлены комплексом Хужир-Нугэ VII, время сооружения которого, вероятно, в пределах начала X – начала XI в. Плоские каменные кладки имели повторяющиеся характерные черты: в форме и конструкции (овальные, сплошные, плоские), в ориентации (преимуще-

ственно по линии С–Ю), в размерах сооружений (2,2–2,5×1,5–2,0 м), наличии угольков и кострищ под кладкой, наборе вещей (керамика, изделия из железа и остатки металлургического производства, кости животных, единичные изделия из камня). По набору этих признаков кладки Хужир-Нугэ VII наиболее сопоставимы с комплексом Саган-Нугэ III, радиоуглеродный возраст которого определен в пределах XIII–XIV вв. [Яковлева, Горюнова, 1991; Номоконова, Горюнова, 2013]. Однако последние отличаются более крупными размерами (3,0–3,7×2,1–2,9 м) и предпочтительной ориентацией кладок по линии СВ–ЮЗ. Комплексы сближает количественный состав изделий (большое число сосудов и фауны). Керамика на этих объектах – плоскодонная; преобладают неорнаментированные сосуды. Необходимо отметить, что на посуде из комплексов Хужир-Нугэ VII преобладают украшения в виде рядов штамповых (овальные, округлые) и ногтевых вдавлений; встречаются прочерченные линии и налепные валики. В то время как на Саган-Нугэ III практически все орнаментированные сосуды украшены налепными рассеченными валиками. На ряде сосудов отмечены ногтевые защипы. Вероятно, отличия носят хронологический характер.

Таблица 3

Результаты радиоуглеродного датирования

Комплекс	№ кладки	Материал	№ образца	¹⁴ C дата	Калиб. возраст, л. н.	Калиб. возраст, н. э.
Хужир-Нугэ VII	6	Кость парнокопытного	Beta-335115	1070±30	1060–930	900–1020
Шракшура I	2	Кость парнокопытного	Beta-335118	320±30	470–310	1480–1650
Базарная II	5	Кость лошади	Beta-335116	190±30	300–современность	1650–1950+

В комплексе Шракшура I (конец XV – середина XVII в.) также все элементы обрядовой практики (форма, конструкция и ориентация кладок, наличие кострищ, керамики, криц, изделий из железа и костей животных) аналогичны ранее рассмотренным объектам. Отличия заключаются в форме сосудов, имеющих круглое дно. Керамика без орнамента либо с ногтевыми вдавлениями. Средневековая круглодонная посуда на территории Прибайкалья – весьма редкое явление. Подобные сосуды отмечены: в погребении № 5 Ангинского комплекса III в Приольхонье, в Сэгэнутском могильнике на р. Манзурка (захоронения в берестяных домовинах) и в погребениях могильника Хапсагай на р. Куда (в погребении № 2 отмечены берестяная подстилка и остатки деревянного гроба), отнесенные к X–XI вв. и к XIII–XIV вв. [Асеев, 1980; Дашибалов, 2005]. Радиоуглеродные датирования по этим погребениям не проводились. Наличие большого разнообразия в погребальной практике и в традициях изготовления керамики, вероятно, свидетельствует о сложности этнических процессов, происходящих в позднем средневековье на территории Прибайкалья.

К наиболее поздним плоским каменным кладкам, судя по радиоуглеродной дате, относятся сооружения Базарной II (середина XVII–XX вв.). Они отличаются конструктивными особенностями: контурные (кольцевая и полукольцевые), выложенные из разрозненных плит в один слой, и ориентацией (ССВ–ЮЮЗ). Кострище отмечено только в одной кладке (№ 5), содержащей традиционный состав жертвенных предметов (керамика, фауна, шлак, изделие из железа). Немногочисленная керамика орнаментирована налепным валиком и ногтевыми вдавлениями в сочетании с арочным узором. Подобное совмещение декора известно на сосудах с VIII в. и, вероятно, продолжало существовать в период этнографической современности.

Анализ костей животных по видовому и количественному составу из плоских кладок разных хронологических срезов демонстрирует, что использование домашних и диких животных в обрядовых действиях было обычной практикой населения Приольхонья начиная с X в. и продолжалось, с минимальными различиями, на протяжении последующих десяти веков. Каждый объект несет в себе более или менее стандартный набор животных, таких как лошадь, две овцы/козы, нерпа и рыба. Различия заключаются в отсутствии костей коровы на Шракшуре I, в то время как они присутствуют на Хужир-Нугэ VII, Базарной II, а также на ранее анализируемом объекте Саган-Нугэ III, датированном XIII–XIV вв. [Номоконова, Горюнова, 2013]. Отмечаются небольшие различия в составе диких животных (остатки суслика на Шракшуре I и находка костей косули на Хужир-Нугэ VII). По количественному составу выделяется наиболее ранняя плоская кладка № 6 Хужир-Нугэ VII, где найдено 746 костей животных. Остальные 8 конструкций содержали до 255 экз. или не содержали фауну вообще. В целом наблюдается похожее использование животных населением Приольхонья на протяжении X–XX вв. Кости лошадей и коров представлены частями голов и нижних конечностей, а овцы/козы – различными частями туш. В отношении использования диких видов животных также не отмечается существенных отличий по хронологическим периодам сооружений плоских каменных конструкций в этом регионе.

Заключение

Данные, полученные по каменным кладкам Шракшура I, Хужир-Нугэ VII, Базарная II, существенно расширяют и дополняют сложившиеся представления о времени бытования подобных конструкций на территории Приольхонья. На основе радиоуглеродного датирования впервые стало возможным проследить характерные и особенные черты в обрядовой практике населения в X–XX вв. Наличие керамических сосудов в этих датированных конструкциях позволило наметить некоторые различия и характерные черты в орнаментах и технике их нанесения для разных хронологических срезов периодов позднего Средневековья и этноисторического времени. Отмечено, что узоры, состоящие из ногтевых вдавлений, налепных валиков и арочного орнамента, выполненного прочерченными линиями, продолжали существо-

вать длительное время. То же можно сказать относительно бытования ряда изделий из железа: втульчатый крючок и долотовидный наконечник стрелы, ранее относившиеся только к раннемонгольскому времени.

Наличие остатков сосудов, металлических и каменных артефактов, кострищ, а также костей со следами жжения и разделки указывают на то, что возможное принесение в жертву животных и потребление их в пищу может ассоциироваться непосредственно с созданием этих сооружений. Этноисторические материалы по кочевникам свидетельствуют, что в роли жертвенных животных выступает в основном домашний скот: особенно лошадь и овца и в меньшей степени – коза и корова [Галданова, 1987; Жамбалова, 2000; Мاستюгина, 1980]. Это также подтверждается и археологическими материалами средневекового среза в Байкальском регионе [Хамзина, 1970; Павлуцкая, 1990; Николаев, 2004; Номоконова, Батракова, Горюнова, 2010; Номоконова, Горюнова, 2013]. Анализ костей животных, найденных при раскопках каменных конструкций Шракшура I, Хужир-Нугэ VII и Базарная II, показал, что ряд нюансов (присутствие только черепов и конечностей лошади и коровы, следы жжения и разделки, отмеченные на костях животных, как свидетельства их потребления в пищу) во многом ассоциируется с этноисторическими описаниями жертвоприношений животных хозяевам и духам местностей [Жамбалова, 2000; Номоконова, Горюнова, 2013].

Не совсем обычное явление для подобных жертвоприношений из этнографических параллелей – широкое использование различных видов диких животных, особенно почти всех представителей байкальских вод, таких как нерпа и рыбы, не только по видовому, но и по количественному составу, остатки которых были найдены в каменных конструкциях, этноисторических аналогов пока не находят. В целом зооархеологический анализ материала из кладок впервые позволил по-новому взглянуть на роль и использование животных скотоводами позднеголоценового времени в жертвоприношениях хозяевам и духам местностей, практикующихся в X–XX вв.

Список литературы

Авраменко В. Н. Керамические сосуды Курмы XII / В. Н. Авраменко, А. В. Харинский // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск, 2011. – Вып. 2. – С. 298–306.

Археологические исследования новостроечных объектов в Приольхонье (оз. Байкал) / О. И. Горюнова, А. Г. Новиков, Н. А. Батракова, А. С. Пержакова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 233–238.

Асеев И. В. Отчет о раскопках могильников в Ольхонском районе (залив Куркут и устье р. Анга), 1977 / И. В. Асеев // Архив ИА АН СССР, Р-1, № 6561. – 131 с. (Новосибирск, 1978).

Асеев И. В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным) / И. В. Асеев. – Новосибирск : Наука, 1980. – 152 с.

Бердникова В. И. Жертвенные комплексы Приольхонья (VI–XIX вв.) / В. И. Бердникова, В. В. Яковлева, О. И. Горюнова // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск : Наука, 1989. – С. 71–78.

Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят / Г. Р. Галданова. – Новосибирск : Наука, 1987. – 115 с.

Горюнова О. И. Спасательные работы на объекте Хужир-Нугэ VII (Байкал) / О. И. Горюнова, Н. А. Батракова // Археологические открытия 2006 года. – М. : Наука, 2009. – С. 543–544.

Горюнова О. И. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области / О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск : Арком, 1995. – Ч. 1 : Остров Ольхон. – 142 с.

Горюнова О. И. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области / О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск : Арком, 1996. – Ч. 2 : Материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан. – 212 с.

Горюнова О. И. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области / О. И. Горюнова, В. В. Свинин. – Иркутск : Арком, 2000. – Ч. 3 : Материковый участок от мыса Улан до реки Большая Бугульдейка. – 183 с.

Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. – 191 с.

Дашибалов Б. Б. Средневековые захоронения Саянгуйской культуры на реке Куде / Б. Б. Дашибалов // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 230–236.

Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры Ольхонских бурят (XIX–XX вв.) / С. Г. Жамбалова. – Новосибирск : Наука, 2000. – 400 с.

Мастюгина Т. М. Похоронная обрядность: буряты / Т. М. Мастюгина // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М. : Наука, 1980. – С. 91–97.

Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура / В. С. Николаев. – Владивосток ; Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 306 с.

Номоконова Т. Ю. Шракшура I – культовый комплекс раннемонгольского времени Приольхонья / Т. Ю. Номоконова // Вестн. Иркут. гос. ун-та. – Иркутск, 2001. – С. 53–54.

Номоконова Т. Ю. Орнаментация средневековых сосудов Приольхонья (оз. Байкал) / Т. Ю. Номоконова // Изв. лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2005. – Вып. 3. – С. 221–229.

Номоконова Т. Ю. Кости лошади в погребально-ритуальных комплексах XVII–XIX веков Приольхонья / Т. Ю. Номоконова, Н. А. Батракова, О. И. Горюнова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2010. – Т. 16. – С. 285–288.

Номоконова Т. Ю. Кости животных из плоских каменных конструкций бухты Саган-Нугэ на Малом море оз. Байкал / Т. Ю. Номоконова, О. И. Горюнова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – Иркутск, 2013. – № 1 (2). – С. 44–61.

Павлуцкая В. В. Байкальское Приольхонье в эпоху поздних кочевников (по материалам могильников XI–XIX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. В. Павлуцкая. – Л., 1990. – 16 с.

Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники) / Е. А. Хамзина. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. – 140 с.

Харинский А. В. К вопросу о генезисе ритуальных кладок Приольхонья в I тыс. н. э. (по материалам местонахождения Курма XII) / А. В. Харинский // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 501–504.

Харинский А. В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация / А. В. Харинский. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2001. – 199 с.

Харинский А. В. Поминальные конструкции Приольхонья I тыс. н. э.: некоторые вопросы хронологии и типологии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности / А. В. Харинский. – Улан-Удэ ; Чита, 2002. – С. 161–166.

Яковлева В. В. Ритуальный комплекс Саган-Нугэ III на Байкале // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири / В. В. Яковлева, О. И. Горюнова. – Иркутск, 1991. – С. 157–164, 237–242.

INTCAL 09 and MARINE 09 radiocarbon age calibration curves, 50,000 years Cal BP / P. J. Reimer, M. G. L. Baillie, E. Bard, A. Bayliss, J. W. Beck, P. G. Blackwell, C. Bronk Ramsey, C. E. Buck, G. S. Burr, R. L. Edwards, M. Friedrich, P. M. Grootes, T. P. Guilderson, I. Hajdas, T. J. Heaton, A. G. Hogg, K. A. Hughen, K. F. Kaiser, B. Kromer, F. G. McCormac, S. W. Manning, R. W. Reimer, D. A. Richards, J. R. Southon, S. Talamo, C. S. M. Turney, J. van der Plicht, C. E. Weyhenmeyer // Radiocarbon. – 2009. – № 51 (4). – P. 1111–1150.

Late Holocene subsistence practices among Cis-Baikal pastoralists, Siberia: zooarchaeological insights from Sagan-Zaba II / T. Nomokonova, R. J. Losey, A. Weber, O. I. Goriunova, A. G. Novikov // Asian Perspective: The Journal of Archaeology for Asia and the Pacific. – 2010. – Vol. 49, № 1. – P. 157–179.

Matsui A. Fundamentals of Zooarchaeology in Japan / A. Matsui. – Kyoto : Kyoto University Press, 2008. – 321 p.

Stora J. Skeletal development in grey seal *Halichoerus grypus*, the ringed seal *Phoca hispida botnica*, the harbour seal *Phocavitulina vitulina*, and the harp seal *Phocagroenlandica*: epiphyseal fusion and life history / J. Stora // Archaeozoologia. – 2000. – № 11. – P. 199–222.

Stuiver M. Extended 14C database and revised CALIB radiocarbon calibration program / M. Stuiver, P. J. Reimer // Radiocarbon. – 1993. – № 35. – P. 215–230.

Zeder M. A. Reconciling rates of long bone fusion and tooth eruption and wear in sheep (*Ovis*) and goat (*Capra*) / M. A. Zeder // Recent Advances in Ageing and Sexing Animal Bones. – Oxford, 2006. – P. 87–118.

Stone Features from the Little Sea Area of the Lake Baikal

T. Yu. Nomokonova, O. I. Goriunova

Abstract. This article is devoted to the analyses of archaeological material found among the stone features of Khuzhir-Nuge VII, Shrakshura I, and Bazarnaia II sites located in the Little Sea area of the Lake Baikal. These features contained artifacts, faunal remains, and traces of hearths, presence of which is similar to the descriptions of animal sacrifices conducted during the ethnohistoric period in this region, which were devoted to the honouring of ancestors and local spirits. In this research, we analyze and compare stone feature forms, orientations, and pottery fragments, iron items, and animal bones found among them. Results of the faunal analyses provided new insights on how animals were

reutilized during the rituals including information on what domesticated and wild species, their body parts, and animals' age were used during these practices. In addition, AMS radiocarbon dating made on ungulate bone from each analyzed archaeological site allowed to expand and add to the current understanding on when these stone features were made in Priolkhoniye region. This also let to consider, for the first time, certain similarities and changes with time in the practices of animal sacrifices conducted by the inhabitants of this region from the 10th to the 20th centuries AD.

Key words: Priolkhoniye, Lake Baikal, stone features, medieval time, ethno-historic period, pastoralists, zooarchaeology, animal sacrifices.

Номоконова Татьяна Юрьевна

доктор наук
постдокториальный научный исследова-
тель, Отделение антропологии,
Университет Британской Колумбии
Канада, BC V6T 1Z1, Ванкувер, Marine
Drive, 6303 NW,
tatiana.nomokonova@gmail.com

Nomokonova Tatiana Yur'evna

Ph. D.
Postdoctoral Researcher
Department of Anthropology,
University of British Columbia
6303 NW, Marine Drive, Vancouver,
Canada, BC V6T 1Z1,
tatiana.nomokonova@gmail.com

Горюнова Ольга Ивановна

кандидат исторических наук
ведущий научный сотрудник,
филиал Института археологии и этно-
графии СО РАН «Иркутская лаборатория
археологии и палеоэкологии»
664003, Россия, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1, as122@yandex.ru

Goriunova Olga Ivanovna

Ph. D. in History
Leading Researcher, Branch of the Institute
of Archeology and Ethnography
«Irkutsk Laboratory of Archaeology
and Paleocology», SB RAS
1, K. Marks str., Irkutsk, Russia,
664003, as122@yandex.ru